

Глава 25. Сбор нектара

Когда Цзянь Мо вернулся, остальные соплеменники разошлись по своим делам. Юноша присел перед крылатым зверем и с напускной строгостью принялся за воспитание:

— Чтобы это было в последний раз. Если захочешь улететь — сначала скажи мне. Тайком сбегать — не то, чем должны заниматься хорошие дети.

Цзюцзю сидел, понуро опустив голову. Лишь изредка он издавал виноватое «ин», не решаясь возразить. Цзянь Мо еще долго выговаривал этой пушистой макушке, и лишь когда убедился, что урок усвоен, поднялся, собираясь заняться ужином.

Крылатый зверь осторожно покосился на него, приоткрыв один глаз. Вид у него был одновременно пришибленный и бесконечно жалкий. Поняв, что буря миновала, он подтащил сегодняшнюю добычу — корни мудин — и положил их перед Цзянь Мо, после чего снова боднул юношу большой головой.

Этот парень только что получил нагоняй, поэтому держал рот на замке, не смея пикнуть, но намерения его были ясны — он хотел отдать добычу Цзянь Мо. Видя, что тот не спешит принимать дар, крылатый зверь заволновался. Он снова боднул лекаря и тихо, почти просительно пискнул:

— Цзю.

Будучи ветеринаром, Цзянь Мо не раз слышал истории о том, как питомцы приносят хозяевам добычу, но сам столкнулся с этим впервые. Строгое выражение лица мгновенно испарилось. Он ласково потрепал Цзюцзю по пушистой голове и вместе с У Цзюном занес корень мудин в дом.

На ужин Цзянь Мо приготовил два больших каменных горшка пареных корней. Размяв их, он добавил молока и обжаренного мясного фарша, а затем выставил крылатому зверю целое корыто этой смеси.

Питомец снова воспрянул духом. Он радостно закурлыкал на разные лады, словно распевая песню, и принялся вовсю вилять хвостом, пытаясь ластиться к Цзянь Мо. Казалось, он уже совершенно не помнил о недавнем выговоре.

Цзянь Мо и сам давно перестал сердиться. Поглаживая гиганта по макушке, он философски рассуждал: метод кнута и пряника — основа любого воспитания. Только что он отвесил «кнута», теперь пришло время «пряника».

Вернувшись в дом, лекарь выглядел рассеянным. Он так глубоко ушел в свои мысли, что на пороге даже споткнулся. У Цзюн, у которого словно глаза были на затылке, вовремя подхватил его под локоть:

— Что случилось? Цзюцзю ведь вернулся?

— В том-то и дело, — вздохнул Цзянь Мо. — На душе тошно. Он такой послушный, а мы держим его на привязи.

Юноша выпрямился и решительно посмотрел на вождя:

— Я вот о чем подумал: может, не будем его больше привязывать? Пусть живет свободно. Он считает наше племя своим домом и никуда не сбежит.

Не дожидаясь ответа, он добавил:

— Я знаю, в поселении полно детей. Но Цзюцзю миролюбив и очень умен. Если мы его обучим, он и близко к ним не подойдет. Да и крылатые звери — не хищники, они не причинят вреда малышам.

— Завтра утром я поговорю с остальными, — пообещал У Цзюн.

Цзянь Мо на мгновение задумался:

— Если жить в самом поселении ему не разрешат, мы можем попробовать держать его чуть поодаль. Главное — не держать в оковах. Он считает нас своими сородичами, и такая неволя просто жестока.

Вождь кивнул:

— Не беспокойся. Сначала я все обсужу с народом, а там что-нибудь придумаем.

У Цзюн слов на ветер не бросал. На следующее утро он обсудил этот вопрос с соплеменниками. Племя в итоге согласилось, что Цзюцзю можно держать на вольном выпасе, но с условием, что он не будет покидать окрестности их дома. Если крылатый зверь убежит дальше, патрульные зверолоуды отведут его обратно и привяжут, чтобы он не причинил вреда детям. Условия были справедливыми, и Цзянь Мо не возражал.

Свобода стала для всех радостным событием. Утром, придя покормить подопечного, Цзянь Мо

специально снял с его лапы путы и сообщил добрую весть.

Цзюцзю склонил голову набок:

— Цзю?

— В общем, — лекарь похлопал его по боку, — гуляй только рядом с домом. К поселению ни ногой, малышей не обижать. Понял?

— Цзю-цзю!

— Да понимаешь ли ты хоть слово? — проворчал Цзянь Мо.

Что бы юноша ни говорил, зверь в ответ лишь громко курлыкал. В конце концов лекарь сдался:

— Ладно, привыкай пока, а там поглядим.

На самом деле крылатые звери не отличались особой подвижностью, а с приходом зимы Цзюцзю и вовсе стал ленив. Даже получив свободу, он не спешил убежать.

Спустя несколько дней до него, кажется, окончательно дошло, что его больше не собираются связывать. Этим утром глаза зверя сияли особенным блеском. Он без умолку заливался трелями на разные лады, то и дело трогал Цзянь Мо лапой и бодал его головой. Лекарь покачивался под этими толчками, не понимая, что вызвало такой бурный восторг. Спустя мгновение до него дошло: Цзюцзю не просто ластится, он пытается посадить его к себе на спину, просто делает это крайне неуклюже.

«Глупый Цзюцзю»

Осознав это, Цзянь Мо поспешил к У Цзюну:

— Кажется, Цзюцзю хочет меня куда-то отвезти.

— Пойду посмотрю, — отозвался вождь.

Когда они подошли, крылатый зверь вскинул голову и посмотрел на них с надеждой:

— Цзю-цзю.

Цзянь Мо жестом велел ему припасть к земле. Зверь мгновенно понял команду, распластался

на снегу и обернулся, приглашая их на спину:

— Цзю-цзю!

Лекарь и У Цзюн закрепили поводья и взобрались в седло. Когда они устроились, Цзянь Мо похлопал ящера по шее, давая знак. Питомец тут же вскочил, сделал несколько мощных прыжков и, взмахнув крыльями, поднялся в небо.

Они не стали направлять его. Зверь сделал несколько кругов, словно проверяя их реакцию, а затем, издав ликующий крик, полетел в определенном направлении. Цзянь Мо какое-то время вглядывался в ландшафт, пытаясь угадать цель. Сейчас была зима, и бескрайние снега полностью укрыли пожухлую землю. Равнины стали ослепительно белыми и чистыми. Внизу ничего не было видно — даже лесные звери почти не появлялись.

— Куда он нас везет? — спросил юноша.

У Цзюн прищурился, сверяясь с ориентирами:

— Похоже, к горам за Зелёными топиями. Это рядом с местом, где мы собираем мучные фрукты.

— Но там же сейчас пусто, — недоумевал Цзянь Мо. — Неужели он решил поохотиться на рыбу?

Услышав свое имя, зверь громко отозвался:

— Цзю-цзю!

У Цзюн усмехнулся:

— Сомневаюсь. Скорее всего, он ищет что-то другое.

Крылатый зверь летел уже добрых полдня, и когда лицо Цзянь Мо окончательно онемело от холодного ветра, они наконец достигли цели. В этой укрытой горами долине температура была выше. Под снегом кое-где виднелись ветви.

Не успел Цзянь Мо спросить, что здесь находится, как Цзюцзю приземлился. Даже не дожидаясь, пока всадники спешатся, он принялся разгребать снег передними когтями и радостно закричал:

— Цзю-цзю!

Цзянь Мо заглянул вниз. Под слоем снега скрывалась целая россыпь нежных, розовато-белых цветов. Большинство из них имели форму длинных трубок с крошечными лепестками на концах. Они чем-то напоминали камписис, но трубки этих цветов были гораздо крупнее, а лепестки — меньше.

Зверь обернулся к людям, призывно курлыча. После чего он снова припал к земле, широко разинул пасть и одним махом заглотил охапку цветов, усердно заработав челюстями. Глаза его сияли от восторга:

— Цзю-цзю!

Цзянь Мо слез со спины.

— Они что, такие вкусные?

У Цзюн сорвал полураскрывшийся бутон и протянул ему:

— Не сами цветы вкусные. Внутри прячется нектар, он-то и есть самое лакомое.

Слово «нектар» было в языке звероловов незнакомым, поэтому Цзянь Мо на мгновение задумался, прежде чем понял, о чем речь. Вождь тем временем оторвал основание цветка и втянул содержимое:

— Вот так, попробуй.

Юноша последовал его примеру. В ту же секунду рот наполнился густой, удивительно сладкой жидкостью. Чистый, медовый вкус без тени горечи или кислоты — такого лекарь не пробовал с самого момента своего появления в этом мире. Все остальные местные сладости всегда имели какой-нибудь побочный привкус, но этот нектар был просто безупречен! Действительно, вкусно.

— Вкус потрясающий! — восхитился Цзянь Мо. — Почему же наше племя его не собирает?

— Слишком далеко, — пояснил У Цзюн. — К тому же, если съесть много таких цветов, можно захмелеть.

— Захмелеть?!

Вождь кивнул:

— Эффект такой же, как от крепкого фруктового вина. Переешь — и свалишься с ног.

Лекарь с опаской посмотрел на Цзюцзю, который с упоением уничтожал цветочную поляну:

— А ему разве не нужно помешать?

— Все знают, что от них хмелеют, и не едят лишнего.

Цзянь Мо скептически хмыкнул:

— Ты посмотри на него. Разве он похож на образец благоразумия?

У Цзюн обернулся. Движения крылатого зверя заметно замедлились. Он уже не хватал цветы жадно, а жевал их лениво, прикрыв глаза:

— Да... он более беспечен, чем остальные.

Цзюцзю уже немного захмелел. Цзянь Мо и У Цзюн не дали ему съесть больше и отвели в сторону отдыхать. Лекарь и сам съел несколько бутонов и почувствовал легкое головокружение.

— Ладно, хватит. Давай лучше наберем цветов с собой.

— Будем есть их дома?

— Не совсем, — Цзянь Мо прищурился. — Я хочу вымыть нектар водой, а потом выпарить ее. Посмотрим, получится ли у нас настоящий густой сироп.

У Цзюню такая идея раньше не приходила в голову:

— Что ж, стоит попробовать.

Весь оставшийся день они собирали цветы, плотно набивая ими корзины. Лишь к вечеру крылатый зверь окончательно протрезвел. Они закрепили тяжелые корзины на его спине и отправились в обратный путь.

Питомец летел медленнее обычного, но пребывал в прекрасном расположении духа, не умолкая ни на минуту. Цзянь Мо и раньше знал, что их подопечный — тот еще болтун, но

теперь ощутил это в полной мере. Голова шла кругом от бесконечного «цзю-цзю». Лекарь прижался к У Цзюну и прошептал:

— В следующий раз надо будет его потренировать, чтобы он не так много шумел.

— Он просто перевозбужден сегодня. Обычно достаточно похлопать его, и он замолкает.

Это была правда: в обычное время Цзюцзю был послушным. Цзянь Мо догадался, что зверь так радуется не только из-за цветов, но и потому, что разделил с ними свою находку.

«Раз так, — решил юноша, — придется потерпеть»

Вернувшись в поселение, они отправили уставшего гиганта отдыхать, а сами принялись за обработку. Цветы нужно было обработать, пока они оставались свежими. Поместив их в большие деревянные лохани, они начали вымывать нектар. Спустя несколько заходов вода в тазах потемнела, приобретя коричневый оттенок и источая тонкий аромат меда с легкой винной ноткой.

Цзянь Мо развел огонь и поставил медовую воду на плиту. По мере кипения алкоголь и лишняя влага испарялись. Жидкость становилась всё гуще, распространяя чарующий запах. К тому времени, как пришла пора ложиться спать, сироп в котле по консистенции стал напоминать солодовый сахар.

Это была настоящая патока. Не удержавшись, Цзянь Мо приготовил три чашки медового чая: себе, У Цзюну и Цзюцзю. Пить сладкое на ночь, может, и не совсем полезно, но чувство счастья того стоило. Благодаря хмельным остаткам в нектаре, лекарь в эту ночь спал на редкость крепко.

Среди ночи раздался оглушительный грохот, от которого Цзянь Мо подскочил на постели. Сердце бешено колотилось.

— Что случилось? — Прошло несколько секунд, прежде чем он осознал, где находится. — Это гром? — хрипло спросил он у У Цзюна.

Вождь подошел и поправил его одеяло:

— Нет. На улице сильный снегопад. Видимо, что-то рухнуло под тяжестью снега. Всё в порядке.

— Деревья?

— Вряд ли. Пойду проверю.

— Я с тобой.

У Цзюн непривычно твердо уложил его обратно:

— Там метель, холодно и скользко. Спи, я справлюсь сам.

Лекарь беспокойно завозился. Он редко видел У Цзюна таким серьезным, и неопределенность пугала его. Вождь похлопал его по плечу поверх одеяла:

— Спи. Я обернусь зверем, мне ничего не грозит.

— Ладно... Если что, зови.

Вождь кивнул и быстро вышел. Прошло немало времени, прежде чем пульс Цзянь Мо пришел в норму. Он лежал в темноте, ворочаясь. Мороз на улице крепчал, и стоило шевельнуться, как накопленное тепло улетучивалось. Ноги стали холодными как лед, и сон окончательно пропал.

Спустя неопределенное время снизу донесся шум:

— У Цзюн?

— Это я, — раздался низкий голос.

На душе сразу стало спокойнее:

— Ты вернулся? Что там произошло?

— У двух семей рухнули крыши.

— Есть раненые? — тут же встрепенулся юноша.

— Ничего серьезного. Двое звероловов получили легкие травмы, я уже всё обработал. Сказал им прийти к тебе завтра.

Вскоре У Цзюн поднялся в комнату с жаровней в руках. Угли давали нежный оранжевый свет. Он поставил жаровню на две плоские каменные плиты, которые принес заранее, а затем подошел к окну и чуть сдвинул древесную кору, оставляя щель:

— Спи.

В комнате стало чуть теплее, но Цзянь Мо всё еще не мог уснуть:

— Неужели дома настолько хлипкие, что не выдерживают снега?

— Рухнули дома холостяков.

— Что?

У Цзюн объяснил:

— Их родители ушли в странствия, присматривать за жильем некому, а сами парни за домами не следили. Еще в прошлую оттепель фундаменты подмыло, они просели. Сегодняшнего снега хватило, чтобы крыши рухнули.

Цзянь Мо не знал, что на это ответить.

— Ложись, — тихо сказал У Цзюн. — Скоро рассвет.

Юноша послушно притих. Но мороз был такой, что согреться никак не получалось. Он ворочался, пытаясь спрятать замерзшие ноги. Услышав это, У Цзюн отодвинул жаровню и обернулся огромным волком. Он улегся рядом, делясь своим жаром.

Лекарь поначалу почувствовал неловкость.

— Зимой все так спят, прижимаясь друг к другу, — прошептал У Цзюн. — Иначе слишком холодно. Это наша старая традиция.

Цзянь Мо расслабился. Неловкость — ничто по сравнению с блаженным теплом, которое исходило от густого меха. Прижавшись к горячему боку зверя, он мгновенно провалился в сон и проснулся поздно.

Снег шел всю ночь и не прекращался на следующий день. Сугробы доходили до бедер. Дел в такую погоду было немного: накормив того-зверей и крылатого зверя и разжегши для них жаровни, Цзянь Мо и У Цзюн занялись чисткой звериных шкур.

У зверолодов был обычай: после больших снегопадов выносить шкуры на улицу и выбивать их прямо в снегу, чтобы избавиться от пыли и лишнего жира. Цзянь Мо вспомнил, что на севере

его родного мира тоже чистили меха снегом, и эта преемственность традиций показалась ему приятной.

В самый разгар работы к ним подошел Бань Мин в компании нескольких звероловов. Они тащили за собой упирающегося парня.

— Братец Цзянь Мо! — радостно поздоровался Бань Мин.

— Что случилось? — спросил Цзянь Мо. Звероловы заговорили наперебой:

— У А Ху вчера дом рухнул!

— Он спал в звериной форме, беднягу придавило. Не только голову расшиб, но и задницу ему в лохмотья превратило!

— Вождь велел ему прийти к тебе сегодня, но этот упрямец застеснялся. Пришлось тащить силой!

Пострадавший по имени А Ху был долговязым юношей со светлой кожей и янтарными глазами. От этих слов он весь вспыхнул:

— Кому тут задницу в лохмотья превратило?!

— Тебе! — захохотал Бань Мин. — Мы же видели, там теперь дыры!

А Ху отвесил шутнику подзатыльник:

— Врешь ты всё!

Бань Мин ничуть не обиделся.

— Да ладно тебе, мы всё равно видели. Чего ты стесняешься перед полузверолодом? Цзянь Мо — лекарь. На охотничьем турнире он столько героев подлатал, ты не особенный.

Лицо А Ху стало пунцовым:

— У них раны были не на заднице!!!

Бань Мин ехидно осклабился:

— У некоторых и на бедрах были. Слушай, если сейчас не покажешься, рана воспалится, и всё равно придется идти к нему. Тогда тебе будет уже плевать на стыд.

Остальные добавили:

— А Ху у нас тот еще неженка. В детстве, когда зубы выпадали, он в три ручья ревел!

Цзянь Мо наконец во всем разобрался и тактично предложил:

— Если в человеческом облике тебе неловко, обернись зверем, я осмотрю тебя так.

А Ху кивнул, его уши пылали. Он отвернулся и мгновение спустя превратился в огромного длинношерстного кота, напоминавшего нечто среднее между тигром и котом. Но, к удивлению Цзянь Мо, первым делом этот зверь бросился на своих друзей. Те, не выдержав натиска тяжелых лап, поспешили принять звериные формы и пустились наутек.

Цзянь Мо наблюдал, как огромный рыжий кот раздает кошачьи оплеухи целой стае крупных зверей. Разъяренный А Ху одержал сокрушительную победу, заставив обидчиков жалобно скулить под градом ударов. Это выглядело на редкость умирительно.

<http://bllate.org/book/15825/1435648>